

ИЗДЕСЬ вначале было слово. Поводом для него стала давняя, но без налета фантазии история, что случилась в Молдавии пять, а то и все десять веков назад. Безымянный овчар, которого народная молва нарекла дядюшкой Миором, перегонял свою отару с летних пастбищ в долину, и вещая ярычка Миорича в слезах и печали повелада хозяйню о коварных планах соседей — погубить того и завладеть стадом, тучным и благодатным.

Миор бежать от судьбы не пожелал и отвечал овечке примерно так: недобрая память страшнее злой погнбелы. В пересказе, вижу и сам, легенда не парит, а пикирует, и это еще одно доказательство величия неизвестного энциклопедии поэта, который создал балладу. «...Пусть меня скоронят на лугу, в загоне, чтобы лег я с вами в мире под ветрами...» В Кишиневе мне показали монографию о «Миориче», и там представлено с полтысячи вариантов этой баллады. Пятсот версий одной легенды, помноженные на пятсот признаний в вечной любви и к корням своим, и к отчей земле тоже.

Моя же роль как журналиста рассказать, чем сегодня откликнулось эхо той давней паустушеской песни.

В самом конце прошлого года Ион Друцэ со страниц республиканской газеты «Литература ши арта» («Литература и искусство») обратился к жителям Молдавии со страстным призывом — воздать должное родному языку и соорудить достойный памятник неизвестному поэту-автору «Миорича». Статью он назвал «Дом для дяди Миора», и на нее народ отозвался немедленно. Простодушный знакомец мой, к примеру, пришел с этим номером газеты в ближайшее отделение Госбанка и пожелал положить на счет Миора далеко не лишнюю в его бюджете сотню.

— На что? — переспросили его из окошка.
— На памятник неизвестному поэту, — был ответ.

— Знаете ли, — обиделась за свою литературную контролер, — в Молдавии, между прочим, все поэты — известные...

Ну все — не все, тут разговор особый, а сборы на дом для дяди Миора сейчас ведутся вполне официально, и безымянный овчар, что сперва обрел имя, сейчас обретает в Молдавии и прописку. Другой вопрос — где.

Стоят на молдавской земле памятники, без которых можно было бы обойтись не только сегодня, но и вчера тоже, если, правда, исходите не из угодничества. Один из них увидел я у входа в Комсомольский парк Кишинева, что в трех кварталах от Дома Советов. Сер-намень с золотой писаной информацией: этот-де парк закладывался «по инициативе и при непосредственном участии» Леонида Ильича. Не нужен глазу и времени этот обелиск, но бетонная тропка для возложения цветов к подножию, увь, еще не заросла травой: «А что, если вдруг...» Вот, пожалуй, и место для Миора, если он пожелает излиться в бронзе...

Сильвиу Фусу, молодой режиссер, меньше всего думал о памятнике неизвестному поэту, когда пришел в конце прошлого года в Комсомольский парк, где находится ВДНХ республики. Когда-то выставка и впрямь гремела и гордилась достижениями, теперь замолкла, поухлила: время не для поэмазуки. Каса маре в дальнем, самом тихом углу выставки (дословно — большой дом, по смыслу — гостевая комната), что славилась своим убранством и застольем, — теперь закрыли на ремонт. Беда, когда светелки или горничны повсюду — то, чем гордится народ, где встречают самых дорогих гостей — отводятся для обслуживания желудка. Там думал Сильвиу Фусу, оставшийся без дела после того, как выжили его, ериштого, но не лишнего таланта, из главного молдавского театра. После вынужденного безделья получил он нежданно-негаданно в Министерстве культуры республики карт-бланш на создание в Кишиневе «показушного» театра, который решили открыть опять же для обслуживания (слово-то какое!) гостей

местного отделения «Интуриста». Пока «Жон» и другие именитые коллективы колесят по стране и миру. Минкульту нужен был вполне ответственный ансамбль, труппа или театр — назовывайте как хотите, — что мог бы собирать валюту, не выходя со своего подворья. За Фусу был ГИТИС и мастерская Туманова, он значился специалистом по организации массовых зрелищ и, кстати, пробовал уже однажды создать эпический театр при молодежном центре в Кишиневе, но неудачно — не понравилась начальству. Понятно, что на это предложение строптивый режиссер — работал он уже попрекнем на «Молдова-филме» — ответил согласием. Требовалось сколотить труппу, желательно из профессионалов, в квартирах не

Дом для Миора

нуждающихся, сыскать временное пристанище и трудиться: иностранцы хлеба не просят, но зрелищ требуют.

Ему предложили сцену в Доме дружбы, помпезном здании в центре Кишинева, еще одним памятнике периода застоя, что послужить этой задаче так и не успело — запоздало с пуском. Здание, занимающее чуть ли не целый квартал, и сейчас служит невесте чему — нечаянным концертам, непластовым выставкам. «Замком Броуди» назвал его мой провожатый: дом и поныне полон тайн и комнат за семью замками. В будущем, говорят, здесь разместят Дворец досуга молодежи. Дворец, что в пору строительства отнял у кишиневцев с десяток многоэтажных домов, и в эту пору на дотациях — «съедает» ежегодно пятизатку. Фусу представил и той, разве что не из сандалового дерева сцене вознесенный над залом свой еще не созданный ансамбль, и отказался: фольклор на паркете скользкий и падает...

— Театр должен быть демократичным, — говорит мне Сильвиу. — Другим его не представляю...

У Дома дружбы — дымчатые, «негласные», как скажет о них Фусу, стекла во всю стену — с улицы ничего не увидишь. За такими стенками театра не получится. Каса маре режиссер найдет в счастливом озарении, увидит крестьянскую постройку, правда, в масштабе четыре к одному, закрытую от постороннего взгляда орезковыми деревьями, — тут зрительно придется по душе. Тогда и скажет в Министерстве культуры: «Хочу сюда...» Интересно, мог бы он поставить этот ультиматум еще четыре года назад?

— Перестройка, — отвечает, — год от года, помните слова Чехова, выдавливает из нас раба...

Дирекция ВДНХ передала театру без имени бесполезную для нее касу маре с оплатой аренды 52 рубля в год. Почему 52, а не 50 или 53, я не знаю, Фусу — тоже. Главное в том, что город за пять червонцев обрел новый театр, потому что все остальное — и ковры на стенах, и склямки вдоль этих стен, утварь на печке, и прочая, и прочая — передавалось ему пусть на временное, но пользование даром. Омертвленное в музейном зале, тут, в касе маре, оно оживило, заиграло, заработало. Ясно, что не сразу.

На конкурсных отборах труппы он с удивлением увидел, что профессионалы в естественной обстановке избы уступают любителям.

Опережая на много очков по мастерству, они уступали тем по естественности восприятия. Проверил на право быть в коллективе театра уже не он, проверяла не комиссия, а каса маре, эта самая гостиная, проветренная, очищенная от калачей-плетенок и фарфоровой посуды. Труппа собралась со всей республики, иные о такой работе на сцене и не мечтали. Впрочем, и сцены тут не было: какая может быть в светелке сцена? Пропуском в коллектив служили два условия: умение импровизировать и умение быть естественным. Остальное — работа. Ведущей артисткой, во всяком случае заметной, стала воспитательница детского сада. По понедельникам, когда у театра выходной, она возвращается в детсадик, где ведет танцевальную группу...

Театру Фусу от роду второй месяц. Премьерный спектаклем стали деревенские посылки, и первые зрители, немцы это были, приняли этот стукот народного творчества на «ура». Театр, который, кроме «Литература ши арта», не заметила даже местная пресса, обретает, так сказать, международную популярность, в нем побывали, пожалуй, все европейские представители. Не просто побывали, но и повеселились, поплясали и попели, потому что в касе маре нужны участие, сопереживание. Театр без имени и рекламы, но на звуки флуера и цимбал пробирается в этот кут и местный зритель. Артисты, они же и хозяева касе маре, встречают каждого что самого желанного. И как бы многолюдно ни было, место зрителю всегда найдется: в касе маре тесно не бывает.

Придите и вы, посмотрите на молдавское гостеприимство не для избранных — на деле. Здесь заметна чистота народа, видны его корни, те самые, которые питают зеленый лист «фрунзэ верде» — от этих слов никак не уйдет народная молдавская песня. Лист зеленый — ее душа и символ. Любомир Йорга, мастер народных инструментов, наблюдая за жизнью этого театра, сорвал с куста розы этот самый лист зеленый, приложил его к губам, и в музыку сельского ансамбля впелся новый и дивный звук. В Молдавии, и я в этом убедился, все певуче и прекрасно, когда свободно и равно.

На днях Сильвиу позвонила.
— Я — зрительница, — сказала женщина, — а на днях случайно оказалась в вашем доме. Разрешите, я очень прошу, привести к вам мою прабабушку. Она никогда не была в театре.

К юбилею Друцэ Фусу репетирует его «Каса маре», и, поверьте, то, что не дается даже академическому театру, здесь, в гостиной, идет без натяжки. Здесь жизнь, а не игра. «Приходите, — ответил режиссер. — Каса маре впускает всех и оставляет у себя только добрых». Женщина привела в театр не только прабабушку по имени Катинка, но и всю свою немалую родню, и только в конце представления Фусу понял, почему Катинка развязала узел, что принесла с собой и стала повязывать артистам, как своим односельчанам, старинные полотенца, одаривать их дивной работы кружевами, и артисты целовали ей за это руки. Был обряд прощания — женщина видела свой предел и передавала свою эстафету младшим.

Вот так в Кишиневе родился театр, не отмеченный пока на рекламных щитах и афишных тумбах. Он еще не имеет названия, но говорят, что в министерстве хотят ему присвоить имя одного из классиков молдавской литературы. Это почетно, считает Сильвиу, но фольклор на парадном паркете, помните, скользкий и падает...

В республике спорят, каким быть памятнику неизвестному поэту. В «Литература ши арта» мне показали толстую папку писем — разных мнений на сей счет. Во многих из них — домысленные проекты. С полонины, например, спускается отара, а пастух играет дойну. В другом проекте автор видит применение выбранного железобетона и местных стройматериалов...

Сильвиу Фусу сейчас мечтает об одном — дать своему театру имя «Дом дяди Миора» — «Каса бадя Миор». Вот вам еще один неординарный памятник Молдавии.

Итак, все началось со слова. Но как хорошо, когда слова подкрепляются делами...

В. ЛЕТОВ.
(Наш соб. корр.)

КИШИНЕВ.

● В Кишиневе приступил к работе наш собкор по Молдавии, Одесской и Черновицкой областям Украины Вадим ЛЕТОВ. В печати около двадцати лет, из них последние тринадцать — известием. Выл собкором «Известий» в Туркмени, на Дальнем Востоке, Урале, по российскому Ичерноземью.